

ДЖОН НОУЛЗ

ДЖОН НОУЛЗ

**СЕПАРАТНЫЙ
МИР**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н85

Серия «Настоящая сенсация!»

John Knowles

A SEPARATE PEACE

Перевод с английского *И. Дорониной*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Curtis Brown Ltd.
и Synopsis Literary Agency.

Ноулз, Джон.

Н85 Сепаратный мир : [роман] / Джон Ноулз ; [пер. с англ. И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-105520-2

Уютный мирок привилегированной закрытой школы-интерната накрыла тень Второй мировой войны, и все, что казалось в нем привычным и незыблемым, вдруг утратило ясность и однозначность...

Между двумя друзьями — замкнутым, одаренным студентом Джином и спортсменом, настоящим сорвиголовой Финеасом — происходит собственная война, стирающая юношескую наивность и погружающая героев в мир реальности...

«Сепаратный мир» — это история о взрослении, дружбе и предательстве, трусости и раскаянии!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© John Knowles, 1959

© Перевод. И. Доронина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105520-2

*Би и Джиму
с благодарностью и любовью*

Глава 1

Недавно я съездил в Девонскую школу, и она, как ни странно, показалась мне более новой, чем была пятнадцать лет назад, когда я в ней учился. И более спокойной, чем я ее помнил, более «прямоходящей» и строгой, с более узкими окнами и более блестящими деревянными панелями, словно для сохранности здесь все покрыли лаком. Впрочем, пятнадцать лет назад была война. Вероятно, в то время за школой не так хорошо следили, — возможно, лак, как и все остальное, уходил на военные нужды.

Не скажу, что мне очень понравился этот ее новый блеск, потому что теперь школа выглядела как музей, каковым она, в сущности, и была для меня, хотя мне очень этого не хотелось. Глубоко в душе, там, где чувство сильнее невысказанной мысли, я всегда ощущал, что Девонская школа начала свое существование в тот день, когда я в нее вошел, оставалась реальной и полной жизни, пока я в ней учился, и угасла как свеча в тот самый час, когда я ее покинул.

Тем не менее, вот она передо мной, сохраненная чьей-то заботливой рукой с помощью лака и воска. Сохранился вместе с ней, словно застоявшийся воздух в непроветриваемой комнате, и хорошо знакомый страх, который окружал меня и наполнял те дни так плотно, что я даже не осознавал его, ибо, не ведая иного состояния, вне этого страха, даже не догадывался о его присутствии.

Но теперь, обернувшись на пятнадцать лет назад, я с предельной ясностью увидел, в каком страхе жил тогда, и это, должно быть, означало, что за истекшее время мне удалось сделать нечто очень важное: избавиться от него.

Сейчас я слышал эхо того страха и ощущал буйную, безудержную радость, которая была его обратной стороной, аккомпанементом, и которая даже в те дни иногда прорывалась, освещая жизнь словно северное сияние на фоне черного неба.

Было два места, которые я хотел теперь увидеть. Оба — страшные, и увидеть я их хотел именно поэтому. Вот почему, позавтракав в гостинице «Девон», я пошел к школе. Стояло промозглое, не поддающееся определению время года ближе к концу ноября, сырой, словно жалующийся на судьбу ноябрьский день, когда становится заметным каждый комок грязи. К счастью, в Девоне такая погода случается редко — ледяные оковы зимы или лучезарные нью-гемпширские лета для него более характерны, — но в тот день шел дождь и дул унылый порывистый ветер.

Я шел по Гилмен-стрит, лучшей улице города. Дома здесь были красивыми и такими же необычными, какими я их помнил. Улицу окаймляли бережно осовремененные старые колониальные усадьбы с пристройками из натурального дерева в викторианском стиле и просторные, похожие на храмы дома в стиле Греческого Возрождения, как всегда впечатляющие и неприступные. Мне нечасто доводилось видеть, чтобы кто-нибудь в них входил или чтобы кто-то играл на лужайке перед ними, и даже открытое окно здесь было редкостью. Сейчас, с поникшим плющом на стенах и голыми плачущими деревьями вокруг, эти дома казались более элегантными и еще более безжизненными, чем обычно.

Как все старые добрые школы, Девонская не была огорожена стенами и воротами, а как бы естественно выростала из города, ее породившего. Поэтому, приблизившись к ней, я не испытал внезапности момента встречи; дома вдоль Гилмен-стрит начали становиться еще более неприступными, это означало, что я близко к школе, а потом — еще более опустошенными, и это означало, что я в школе.

Было начало дня, площадки и здания пустовали, поскольку все разошлись по спортивным занятиям. Ничто не отвлекало меня, пока я пересекал широкий двор, называвшийся Дальним выгоном, и шел к зданию, такому же краснокирпичному и пропорциональному, как все остальные здешние крупные здания, но увенчанному просторным куполом с ко-

локолом под ним и украшенному часами и латинской надписью над входом, это был Первый учебный корпус.

Войдя через вращающуюся дверь, я оказался в мраморном вестибюле и остановился у подножия длинного марша белых мраморных ступеней. Хотя лестница была старой, ступеньки посередине стерлись неглубоко. Должно быть, мрамор обладал необычайной твердостью. Похоже, так оно и было скорее всего, хотя, насколько я помнил, мысль о его исключительной твердости никогда не приходила мне в голову. Удивительно, что я упустил такой важный факт.

Больше ничего примечательного я не заметил; это была, безусловно, та же лестница, по которой я ходил вверх-вниз минимум раз в день на протяжении всей своей девонской жизни. Она была такой же, как всегда. А я? Ну я, в отличие от лестницы, естественно, чувствовал себя повзрослевшим — с этого момента я начал оценивать свое эмоциональное состояние, чтобы понять, насколько необратимым было мое «выздоровление», — сделался выше ростом и крупнее. У меня теперь было больше денег, я стал успешнее и уверенней, чем тогда, когда призрак страха ходил за мной по этим ступеням.

Я развернулся и снова вышел на улицу. Двор был по-прежнему пуст, и я пошел в дальний конец школьной территории по широким гравиевым до-

рожкам между чопорными новоанглийскими вязами, стáтью своей напоминавшими банкиров-республиканцев.

Девонскую школу иногда называют самой красивой школой Новой Англии, и даже в столь унылый день она оправдывала это звание. Ее красота складывалась из небольших упорядоченных пространств — просторный двор, деревья, три одинаковых спальных корпуса, кольцо старых зданий, — сосуществующих в общей гармонии. Но было ощущение, что разлад может начаться в любой момент, в сущности, он уже начался: к резиденции декана, безупречно-подлинному колониальному дому, был пристроен флигель с большим голым окном венецианского стекла. Возможно, когда-нибудь декан будет жить в доме, полностью сделанном из стекла, и чувствовать себя счастливым, как кулик. Все в Девоне медленно, постепенно менялось и медленно, постепенно приходило в соответствие с тем, что было раньше. Так что логично было предположить: если здания, деканы и расписание занятий могут, то и я смогу, меняясь, достичь гармонии. А может, сам того не зная, уже смог.

Я наверняка должен был понять это лучше, добравшись до второго места из тех, на которые приехал посмотреть. Поэтому я брел мимо строго пропорциональных краснокирпичных спальных корпусов, обвитых паутиной скинувшего листву плюща, через заброшенный участок города, вкли-

нивавшийся на территорию школы ярдов на сто, мимо массивного спорткомплекса, в этот час заполненного учениками, но снаружи тихого, как монумент, мимо крытого спортивного манежа, который называли Клеткой, — помню, в первые недели своего пребывания в Девоне, наслушавшись загадочных упоминаний о Клетке, я решил, что это место суровых наказаний, — и наконец вышел на обширный участок земли, известный как игровые поля.

Девонская школа славилась как академическими успехами, так и спортивными достижениями своих учеников, поэтому игровые поля были просторными и за исключением этого времени года всегда многолюдными. Сейчас же они расстилались вокруг меня, пропитанные водой и пустые; жалко выглядевшие теннисные корты слева, гигантские поля для футбола, американского футбола и лакросса — в центре, справа — лес, а на дальнем конце, впереди — маленькая речушка, местонахождение которой отсюда можно было распознать лишь по нескольким голым деревьям, растущим вдоль берега. День был настолько серым и туманным, что противоположный берег, где находился маленький стадион, не просматривался.

Я пустился в длинный трудный путь через игровые поля и, только пройдя уже какой-то отрезок, обратил внимание, что мягкая земляная жижа непоправимо испортила мои городские туфли. Но

я не остановился. Посередине поля образовались мелкие озера грязной воды, которые пришлось обходить, при этом уже совершенно утратившие свой вид туфли мерзко чавкали каждый раз, когда я вытаскивал ногу из болота. На этом открытом месте ничто не защищало мое лицо от резких порывов мокрого ветра; в любое другое время я бы почувствовал себя дураком, хлюпающим по слякоти под дождем только для того, чтобы посмотреть на дерево.

Над речкой висел туман, поэтому, приблизившись к ней, я оказался отгороженным от всего, кроме самой реки и нескольких деревьев на берегу. Здесь ветер дул непрерывно, и я начал замерзать. Шляпы я не носил никогда, а на этот раз забыл и перчатки. Передо мной было несколько деревьев, смутно вырисовывавшихся сквозь мглу. Любое из них могло оказаться тем, которое я искал. Мне казалось невероятным, что здесь росли теперь и другие деревья, выглядевшие так же, как мое. По моим воспоминаниям, оно возвышалось над рекой как гигантский одинокий пик, грозный, словно артиллерийское орудие, и длинный, словно бобовый стебель. Тем не менее, вот она — редкая рощица, ни одно из деревьев в которой особой внушительностью не отличалось.

Шагая по мокрой, задубевшей от холода траве, я начал внимательно осматривать каждое из них и наконец узнал то, которое искал, по маленьким

зарубкам на стволе, крупному суку, простершемуся над рекой, и тонкому отростку рядом. Это было то самое дерево, и оно напомнило мне о том, что мужчины, кажущиеся нам в детстве гигантами, много лет спустя оказываются не просто ниже ростом по сравнению с тобой выросшим, но маленькими безотносительно ко всему, съжившимися от возраста. От такого двойного умаления бывшие гиганты превращаются в карликов.

Дерево было не просто голым, что естественно в это время года, оно словно бы устало от минувших лет, ослабело, высохло. Я был благодарен, очень благодарен за то, что повидался с ним. Чем дольше вещи остаются прежними, тем больше они в итоге меняются — *plus c'est la tete chose, plus ça change*. Ничто не вечно — ни дерево, ни любовь, ни даже память о насильственной смерти.

Внутренне изменившийся, я отправился обратно по грязи. Я промок насквозь, и было совершенно ясно, что пора мне укрыться от дождя в помещении.

Дерево было огромным, грозным, словно сделанным из черной вороненой стали шпилем, возвышавшимся над берегом реки. Провалился я на месте, если подумаю о том, чтобы влезть на него. Да пошло оно к черту. Никому, кроме Финеаса, такая безумная идея и в голову прийти не могла.

Он же, естественно, не видел в этом ничего хоть сколько-нибудь пугающего. А если бы и видел, ни за что не признался бы. Не таков наш Финеас.

— Что мне больше всего нравится в этом дереве, — сказал он тем голосом, который был звуковым аналогом гипнотического взгляда, — так это то, что оно такое пустяковое! — Он выпучил свои зеленые глаза, уставившись на нас характерным маниакальным взглядом, и лишь самодовольная ухмылка, растянувшая его рот и смешно выпятившая верхнюю губу, убеждала в том, что он не окончательно свихнулся.

— Значит, именно это тебе нравится больше всего? — сказал я саркастически. В то лето я многое произносил саркастически, это было мое «саркастическое лето», лето 1942 года.

— Угу-й-ага, — ответил он. Это забавное новоанглийское междометие всегда смешило меня, и Финеас знал это, вот и на сей раз я не удержался от смеха, что снизило градус моего сарказма, а заодно и испуга.

С нами были еще трое — в те дни Финеас всегда ходил в компании числом с хоккейную команду, — и они, стоя рядом, переводили взгляд с него на дерево и обратно, стараясь не выдать своего страха. Вверх по вздымающемуся черному стволу, до солидного сука, нависавшего над берегом, шли грубые деревянные колышки. Взобравшись на этот сук и приложив невероятное усилие, можно было прыг-